

менны, ранее срока, назначенного природой; солнечный жар, томительность пути, мучение продолжительной жажды, отдаленность воды – причины таких несвоевременных родов; по дорогам валялись младенцы, мертвые или едва сохранившие дыхание. Мужчины, ослабевшие от чрезмерной испарины, бродили с открытым ртом, чтобы больше вдыхать в себя воздуха и уменьшить муки жажды, но все это не облегчало их. Потому, как я сказал, в этот день погибло много народа. Соколы и другие охотничьи птицы, составлявшие радость знатных и благородных господ, околевали от жажды и жары на руках тех, которые носили их, и собаки, приученные к охоте, падали у ног своих владетелей. В то время, когда все были мучимы таким страшным бедствием, показалась вода той реки, которую так искали и так страстно ждали. Все бросились к тому месту, и в толпе, бежавшей вдруг, каждый старался опередить другого; никто не обнаружил умеренности и множество людей и животных пострадало и, наконец, погибло от излишества в утолении жажды.

III. Выйдя наконец из этих скалистых ущелий, пилигримы при своей многочисленности решили с общего согласия разделить войско на несколько отрядов. Танкред и Балдуин, брат герцога Готфрида, отделившись вместе со своими людьми, прошли посреди Озелли. Танкред, идя впереди со своим отрядом, приблизился к двум соседним городам Гераклея и Икопии (Reclai и Stancona), где жили христиане под игом турецких подданных Салимана. Балдуин же, следуя по извилистым горным тропинкам, почувствовал вскоре ужасный недостаток в съестных припасах; лошади, лишенные корма, с трудом передвигали ноги и еще менее могли нести на себе всадников; герцог Готфрид, Боэмунд, Роберт, Раймунд шли вдалеке по королевской дороге и, направляясь к Малой Антиохии, соседней Гераклея, решили остановиться там около девятого часа дня. Наступил вечер; герцог Готфрид и главные вожди раскинули свои палатки поблизости горы на хорошем месте, среди лугов, изумляясь красоте и богатству страны, в которой они нашли превосходную охоту, любимую потеху и упражнение ры-

царства. Утвердившись там, сложив свое оружие и добычу и видя перед собой лес, наполненный дичью, они взяли свои луки и колчаны, подпоясались мечом и отправились туда искать дичь при помощи чутя собак, чтобы погоняться и добыть чего-нибудь.

IV. Когда они углублялись таким образом в лес, каждый следовал своей дорогой, чтобы поместиться в засаде, герцог Готфрид заметил громадного медведя, наружность которого приводила в ужас. Зверь напал на бедного пилигрима, собиравшего лозияк, и преследовал его, чтобы сожрать, вертясь около дерева, на котором несчастный искал убжища; судя по рассказам тех, кто успевал спастись, этот медведь имел обычай гоняться таким образом за пастухами и за всеми, кто входил в лес. Герцог, привыкший и всегда готовый подать помощь христианам, своим братьям, в их несчастье, извлекает немедленно меч и, дав сильно шпоры коню, летит вырвать несчастного из когтей и зубов кровожадного зверя: испустив громкий крик, он устремился через густой кустарник и становится лицом к лицу с жестоким врагом. Медведь, заметив, что на него пещется конь с всадником, уверенный в своей ярости и в раздрающей силе своих когтей, немедленно идет навстречу герцогу, раскрывает пасть, как бы желая разорвать его на части, поднимается на дыбы, чтобы защищаться или, скорее, чтобы напасть, выпускает свои когти, принимает меры для обороны головы и лап от ударов меча и постоянно увертывается от герцога, заносившего на него руку; в то же время рев зверя потрясает лес и горы, и слышавшие его не могли довольно надвинуться тому. Герцог, видя, что злой и хитрый зверь сопротивляется с дерзостной отвагой, в волнении и с негодованием обращает на него острие меча, неосмотрительно насккивает на зверя и в яростном ослеплении старается проколоть врага. К несчастью, зверь и на этот раз увернулся от удара и, запуская когти в тунику герцога, схватил его в лапы, стащил с лошади и, бросив на землю, был готов растерзать его своими зубами. В этой ужасной крайности герцог, вспомнив свои многочисленные подвиги и опасности, от